

ры на средние слои с соответствующим характером конституции, а соотношение компонентов, элементов, составляющих смешанный строй. Рим стал великим не потому, что он шел по «среднему» пути, а потому, что он даже в трудных обстоятельствах выбирал наилучшее, т. е. комбинировал наиболее ценное из всех хороших конституций.

В учении Полибия есть трудно примимые элементы: традиционное представление о прочности смешанной конституции и теория строго детерминированной последовательности конституций. В сущности здесь одно противоречит другому. Противоречие было давно замечено, и для устранения (или, по крайней мере, сглаживания) его были выдвинуты разные объяснения. Аальдерс находит справедливым мнение, что Полибий не сумел справиться с теориями, которые он призвал себе на помощь для осознания исторического процесса. Возможность примирения двух, казалось бы, несовместимых идей все же существует. Аальдерс приводит с одобрением объяснение фон Фритца³. Знакомство с государственным строем Рима внушило Полибию уверенность, что в смешанной конституции происходят изменения, аналогичные сменам конституций в цикле с той только разницей, что в фазах смешанной конституции отдельные конституции не следуют одна за другой, а присоединяются одна к другой, так что конституция в целом остается смешанной. Аальдерс (стр. 106, прим. 92) от себя конкретизирует: в Риме к остаткам царской власти (консульству) присоединяется аристократия, а затем и демократия; следствием этого является возникновение смешанной конституции в Риме, т. е. вся римская история со времен изгнания царей оказывается вне циклической смены конституций. Впрочем, сам Аальдерс ставит вопрос, в какой мере это следствие сознавал Полибий.

В Риме бесспорно интересовался смешанной конституцией Цицерон. Известно, что в своих философских воззрениях он не был самостоятельным и зависел от греков. Так же обстоит дело и с его трактатом *De re publica*. Заметная близость теории смешанной конституции у Цицерона и Полибия на Цицерона. Однако в ряде случаев римлянин отклоняется от Полибия, в других — он дает больше, чем Полибий. Отсюда делается закономерный вывод о том, что последний не мог быть основным источником для Цицерона. Едва ли таким источником мог быть и Платон, Аристотель, Феофраст и других перипатетиков. Высокая оценка, даваемая Цицероном Дикеарху, делает вполне вероятным и влияние этого последнего.

Заслуживает внимания произведенный в книге сравнительный анализ взглядов Полибия и Цицерона на смешанную конституцию. У римлянина ясно выражена мысль о вечности смешанной конституции и о ее неподверженности порче и упадку. Цицерон тем самым предстает перед нами как родоначальник идеи *Roma aeterna*, которая в императорскую эпоху, особенно в позднее время, занимает большое место в римской идеологии.

После Цицерона проблема государственного устройства в римской литературе не обсуждается. Теория смешанной конституции продолжает существовать, но превращается либо в абстрактное теоретизирование, имеющее отношение только к прошлому, либо, лишившись своего прежнего содержания, становится средством восхваления императорской власти. К прошлому обращены те места *Antiquitates Romanae* Дионисия Галикарнасского (современника Августа), в которых историк говорит о смешанной конституции. Мысли его — не результат глубоко продуманной теории, а размышления начитанного человека. Дионисий испытал на себе влияние Полибия (последовательность смены конституций, разделение полномочий между царем, сенатом и народом в царский период и др.). Не все точки соприкосновения с Полибием следует рассматривать как доказательство его влияния на Дионисия, кое-что могло быть результатом установившейся теории смешанной конституции. Все же в своей схеме конституций Дионисий отличается от Полибия: главное отличие в том, что последовательность конституций не является у Дионисия строго детерминированной; демократия и аристократия могут перейти в тиранию, т. е. в извращенную форму монархии. Свои мысли Дионисий заимствовал у разных авторов, но в одном он, по-видимому, самостоятелен. Именно под воздействием современных ему политических обстоятельств и дискуссий он вносит в теорию смешанной конституции нечто новое — роль диктатора (VII, 56), который, получив полномочия на шесть месяцев, будет сдерживать порывы народа, назначит подходящих должностных лиц, устранит из государственной жизни порочный элемент, а здоровому не позволит портиться: выполнив свое дело, он возвратится в частную жизнь, получив за свою деятельность заслуженный почет и ничего больше.

При преемниках Августа, когда вопрос о государственном устройстве получил на практике окончательное разрешение, теория смешанной конституции превращается в риторический пропагандистский лозунг, служивший для возвеличения императорской власти. Очень сомнительно, чтобы римская власть двигала этот лозунг как официальный, но писатели настаивали на нем (особенно во II в. н. э.).

³ К. в. F r i t z, *The Theory of the mixed Constitution in Antiquity*, N. Y., 1954.

Вне этой линии находился Тацит. В одном месте («Агрикола», 3) он говорит, что Нерва соединил некогда несоединимые вещи — принцип и свободу. В другом месте («Анналы», I, 33) Тацит неблагоприятно судит о смещении разных принципов в государственном строе — смешанные формы, по его словам, легче поддаются восхвалению, нежели осуществлению, а если и реализуются, то не могут быть долговечными. Это — единственный дошедший до нас от античности неблагоприятный отзыв о смешанной конституции.

Филон Александрийский и Элий Аристид считают римское государственное устройство соединением монархии и демократии. Демократический элемент усматривается писателями в том, что в Римском государстве всякий живет в безопасности и благоденствует.

В своей книге Аальдерс дал читателям историю теории смешанной конституции в древнем мире с той степенью обстоятельности и точности, какую допускают сохранившиеся источники. Фiliation идей устанавливается с большой осмотрительностью, с учетом, с одной стороны, роли утраченных произведений, с другой, — второго неизвестного, которое автор назы-

вает «общим достоянием», так что простое сходство между мыслями разных писателей не служит доказательством зависимости одних от других, если к такому заключению не приводят дополнительные соображения. Чужда автору книги и тенденция возводить теоретические рассуждения античных писателей к одному источнику. Читая книгу Аальдерса, ясно видишь недостаточность нашей прямой и даже косвенной информации об античных политических теориях. Основные линии в развитии античной политической мысли, в частности и теории смешанной конституции, могут быть начертаны с достаточной уверенностью, но местами даже эти линии прерываются и их приходится дополнять пунктиром, т. е. прибегать к догадкам. К числу таких догадок, а priori вполне приемлемых, хотя и не подкрепляемых несокрушимой аргументацией, принадлежит гипотеза о воздействии Дикеарха на последующих теоретиков. В целом новая книга — прекрасный вклад в научную литературу об античной политической мысли.

А. И. Доватур

ANDRÁS MÓCSY, Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior, Budapest, 1970, 266 стр. + указатель

Новая книга известного венгерского историка Андраша Мочи, перу которого принадлежит несколько работ по истории дунайских провинций, посвящена внутренней истории Верхней Мезии. Это — первая предпринятая в литературе попытка обобщить происходящие из этой провинции эпиграфические данные и преимущественно на основании их воссоздать характер общества и степень романизации этой почти не исследованной дунайской области Империи; А. Мочи опирается также и на археологические публикации югославских ученых и на некоторые общие работы по истории иллиро-фракийских областей в римской период. Исследовательский метод, примененный автором к анализу эпиграфического материала, весьма ограниченного и по количеству, и по содержанию, достигает в этой работе едва ли не математической точности. Из надписей — в зависимости от их содержания, места находки (город или его сельская территория), названных в них имен, характера самих памятников (надгробия или алтари), социального и общественного положения лиц, их поставивших, — извлекается множество важнейших данных для суждения об обществе провинции, в некоторой мере ее военной и экономической истории, социальной и культурной романизации. В приложении А. Мочи изло-

жены некоторые принципы извлечения из надписей статистических данных и соображения о находках римских монет и керамики, происходящих из Верхней Мезии, — материал, который еще не обработан для исторического исследования.

Ознакомившись только с введением, читатель уже знает, что в дальнейшем, в самой книге он встретит новый и свежий подход к оценке многих, казалось бы, решенных вопросов и устоявшихся представлений по истории дунайских провинций. Так, во введении А. Мочи замечает, что в современной исторической науке понятие «романизация» сделало блестящую, хотя и в высшей степени сомнительную карьеру. Исторический процесс, продолжает он, заслуживающий всестороннего исследования, часто просто подводится под собирательное понятие «романизация» и им покрывается — совершенно трезвые суждения, с которыми нельзя не согласиться и обоснование которых проводится автором на протяжении всего изложения.

В книге пять больших глав и уже упоминавшееся приложение. В I главе, посвященной исторической географии провинции, разбирается вопрос о границах Верхней Мезии, дорожной сети и территориях — римских муниципий и колоний, перигринских общин,

горнорудных округов, административное деление провинции в поздней античности. II глава касается некоторых вопросов военной истории. III глава, самая большая, посвящена исследованию провинциальных городов и сельских территорий, которые А. Мочи определяет исходя из мест распространения надписей. IV глава содержит характеристику социальных слоев общества Верхней Мезии — сенаторы и всадники, декурiones, августалы, военные, peregrini-рабы, «разбойники» (latrones); здесь рассматривается также вопрос о коренном населении и пришлом, о политике предоставления римского гражданства. В V главе прослеживаются некоторые формы, в которых проявлялась романизация; здесь поставлен весьма важный вопрос, в какой мере обычаи постановки надписей и само их распространение могут являться свидетельством романизации.

Все главы весьма содержательны по материалу и интересны по выводам и наблюдениям. Разумеется, в пределах рецензии можно указать лишь на некоторые из них. Поскольку, однако, история Верхней Мезии далеко не так хорошо известна, мне представляется не лишним остановиться несколько подробнее на некоторых положениях автора, на методике рассмотрения им эпиграфических данных и их всестороннем истолковании.

Так, при определении границы между Верхней Мезией и Нижней Мезией и Фракией А. Мочи принимает во внимание такой примечательный факт, как находки в античной Ремесиане (совр. Бела Паланка) посвященных алтарей в честь императоров III в. Он считает, что здесь была или агз Augusti или возвращавшиеся с Востока императоры вступали здесь на землю Верхней Мезии, и, следовательно, в этом пункте проходила граница провинции. В этом месте была и языковая граница; прибывающие с греческого Востока путешественники вступали здесь в первую латиноязычную провинцию. В этой связи А. Мочи привлекает и свидетельство Itinerarium Burdigalense, помещающего между Remesiana и фракийским городом Turres дожную станцию с названием Latina (стр. 11—12).

Касаясь нового административного деления провинции, провозглашенного Аврелианом в связи с эвакуацией левобережной Дакии в 271 г. и созданием правобережной провинции Дакии, А. Мочи считает, что скорее всего Аврелиан создавал одну Дакию из частей Верхней и Нижней Мезии и Фракии. При нем или при Диоклетиане оставшаяся часть Верхней Мезии была разделена на две части и соответственно создана новая провинция Дардания — к этой Дардании принадлежал также гор. Наисс (совр. Ниш), который позднее был отнесен к Дакии.

Поскольку обе Дакии и Дардания упоминаются впервые только в 343 г., возможно также и то, что или созданные Аврелианом две Дакии были на какое-то время затем объединены, или Dacia Medieterranea была временно отнесена к Дардании, как предполагал Г. Феттерс¹ и что отмечает А. Мочи. Известная надпись на бронзовой доске от 283 г., общая, что в правление Кара и Карина наместник Гайян восстановил пограничные знаки между двумя правобережными Дакиями, представляется А. Мочи достоверной: надпись была куплена у торговца древностями, ее место находки неизвестно и она не имеет аналогий (стр. 41—42).

Из рассмотрения надписей, относящихся к муниципиям и колониям, выясняется, что урбанизация Верхней Мезии была поздней. Помимо двух колоний — Скупи (совр. Скопле) и Ратиарии (совр. Арчар), основанных вследствие дедукции ветеранов: первая — Домицианом и вторая — Траяном, только Сингидун (совр. Белград) и Виминакий (совр. Костолац) получили положение колоний в III в., хотя здесь со времени Флавиев постоянно стояли легионы, существовали канавы и возникли муниципии. В то время как для большинства дунайских провинций широкое распространение городского строя началось при Адриане, почти все муниципии провинции были основаны Марком Аврелием. Заслуживают внимания суждения А. Мочи о муниципии Ulpianum (в р-не совр. Липлян). Его название, как показывает А. Мочи, отнюдь не указывает на имя основателя (Траяна), но связано с находившимся в пределах провинции рудничным центром, открытым Траяном — metalla Ulpiana. Сам муниципий Ulpianum был основан Адрианом (стр. 32—33). А. Мочи прослеживает, как рудничные районы провинции (Верхняя Мезия была богата серебром, свинцом и меньше золотом), изъятые из земель племенных общин, постепенно муниципализировались. Возникшие при Адриане Metalla Aeliana Pincensia и Metalla Aureliana позднее стали муниципиями. Учрежденные Марком Аврелием Metalla Dardanica превратились в municipium Dardanicum (или Dardanorum) при Северах; известный горнорудный центр провинции — Aureus mons (в р-не Сингидуна) также стал муниципием в III в.

Детальное исследование надписей и надгробных памятников (в том числе и с точки зрения орнамента и формы стел), проведенное А. Мочи для каждого города и его сельской территории, позволило ему показать, сколь разнился один

¹ H. V e t t e r s, Dacia Ripensis, Österreichische Akademie, Schriften der Balkankommission, Antiquarische Abteilungen, XI, 1950, Wien, стр. 24, прим. 233.

город провинции от другого в отношении размеров его хоры, этнической и социальной структуры населения города, степени романизации. Эти данные изложены преимущественно в III главе. Так, выясняется, что городская община колонии Скупи, например, с точки зрения экономической была мало дифференцирована и с точки зрения социальной обнаруживает большую стабильность: верхний слой общества составляли потомки римских колонистов-ветеранов; среди декурсионов нет ни одного лица, которое бы носило императорский помет. Императорские *nomina* в Скупи встречаются только у августалов и членов их семей.

Из факта распространения надгробий ветеранов по сельской территории колонии А. Мочи устанавливает, где именно ветераны VII *Claudia* получили свои наделы, и показывает, что они погребались в своих имениях (стр. 70). Сами ветераны — уроженцы Галлии, Испании, Италии, Далмации, Македонии, восточных провинций; их жены — отпущенницы или свободные женщины с италийским правом. Будучи основана как колония ветеранов, Скупи, однако, не принимала потом в свою общину ветеранов, хотя сельская территория колонии составляла во II в. легионеров. В связи с этим А. Мочи делает важное наблюдение о преимущественном праве колоний перед муниципиями поставлять новобранцев в легионы, хотя они могли и не иметь римского гражданства и получали его при вступлении в легион.

Совершенное отличие от Скупи представляет муниципий *Ulpianum*. Поскольку город вырос из центра рудничного района, то здесь, в единственном месте провинции, эпиграфическое засвидетельствовано довольно значительное местное население, которое принимало участие и в общественной и экономической жизни, будучи занято на разработках рудников в качестве арендаторов и в аппарате управления. Оно получало римское гражданство со времени Траяна вплоть до времени Каракаллы. Город сохранял большое значение до Юстиниана, когда он был вновь отстроен и переименован в *Justiniana Secunda*.

На территориях *Ulpianum* и Скупи со II в. и по IV в. находились имения сенаторских семей Фуриев и Понтиев, отношение которых друг к другу неясно. Надписи из *ager Scupinus* называют владельцев семьи Фуриев; их отпущенник Фурий Алким известен как адресат Ульпиана (fr. Vat. 220). Вместе с Понтием Уранием он построил в *Ulpianum* храм *Fortuna domus Furianae* на средства сенатора Фурия Октавиана. Из этой семьи происходил наместник Нижней Мезии в 218 г. Фурий Понтиан и лицо, занимавшее консульскую должность при Максимилиане, — Фурий Октавиан (ILS, 8935; Мочи, стр. 86—87). Эти сенаторские

семьи были, однако, не верхнемезийского происхождения.

Можно было бы продолжить изложение наблюдений А. Мочи, касающихся характеристики городов провинции. Я остановлюсь еще только на тех данных, которые он извлекает из надписей для Наисса. Этот город стал муниципий при Марке Аврелии, но достиг большого значения в период поздней античности, от которой происходит и основная часть данных. Он был одной из императорских резиденций и местом рождения императора Констанция. На территории Наисса находилась императорская *villa Mediana*, упоминаемая Аммианом Марцеллином (XXVI, 5, 1; Мочи, стр. 91). Как свидетельствуют находки надписей, долина реки Нишавы (правый приток Моравы) была плотно населена в древности: оба берега реки соединялись в римское время мостом. Город имел большое значение как один из центров распространения христианства. Археологическими данными югославских ученых доказано, что на сельской территории Наисса находилась известная *Justiniana Prima* — место рождения императора Юстиниана, где им потом было учреждено архиепископство. На территории Наисса была и Ремеслана, с которой связана деятельность известного христианского миссионера Никиты Ремесланского.

Для всех этих трех значительных городов Верхней Мезии (как, впрочем, и для других) А. Мочи доказывает, что время начала постановки надписей в городах было различным. В то время как в Скупи первые надписи восходят к 80—130 гг. н. э., в III в. их становится все меньше, а от поздней античности надписи отсутствуют совершенно (стр. 64), в Наиссе, напротив, кроме одной несомненной и двух сомнительных надписей I в. нет ни одной надписи II в., но многочисленны надписи III в. и особенно — поздней античности (стр. 95). В муниципий *Ulpianum* обихай ставить надписи начался примерно в правление Адриана, но уже при Северах прекратился (стр. 78).

Из IV главы, где, как уже упоминалось, исследуется социальная структура провинциального общества, становится еще более очевидным различие верхнемезийских городов. Состав *ordo* декурсионов различался в зависимости от происхождения города — колонии, основанные путем дедукции ветеранов (как Скупи и Ратинария), города, возникшие вблизи стоянок легионов (как Сингидун и Виминакий), поздние города, возникшие в глубине провинции, преимущественно при Марке Аврелии (как *municipium Dardanorum* и отчасти Наисс). В этих последних декурсионы происходили из коренного населения провинции, получившего римское гражданство от Марка Аврелия, но главным образом по эдик-

ту Каракаллы, однако они почти не принимали участия в общественной жизни городов и были оттесняемы на задний план предпринимательскими слоями пришлого происхождения и лицами, занятыми в администрации провинции, в том числе императорскими отпущенниками. А. Мочи указывает на тенденцию в изменении социального состава городов Верхней Мезии в III в. за счет включения в верхний слой местных романизированных землевладельцев, что согласовывалось и с политикой римского правительства отдавать предпочтение при выборе декуррионов местным уроженцам. В то же время концентрация земельных владений, наблюдаемая в III в. на территориях городов, и связанное с ней обеднение средних слоев вынуждали город идти навстречу предпринимательским элементам, открывая им доступ в *ordo* посредством *ornamenta decurionalia*. *Ordo* Вимиакция и особенно Ратиарии имело в своем составе лиц несвободного происхождения и сыновей августалов. Местные декуррионы муниципиев позднего происхождения не выступали активно в общественной жизни городов и, как пишет А. Мочи, продолжали вести прежнюю деревенскую жизнь (стр. 164).

Автор высказывает также интересные наблюдения о военном населении Верхней Мезии, о преимуществе колоний перед муниципиями при наборе в легионы, о том, что в течение всего II в. область набора ограничивалась дедупированными колониями и недостаток в рекрутах пополнялся за счет провинций, не имевших своих легионов, — Далмации, Фракии, Македонии. Даже для войск *auxilia* во II в. набор производился вне провинции, и в самой Верхней Мезии набор в *auxilia* начался только при Марке Аврелии. Интересны соображения о пропагандистском характере почетных надписей и алтарей III в., посвященных *pumen* или *salus* императора (стр. 175). А. Мочи указывает, что вместо посвящений от отдельных лиц (легионеров, легатов легионов, префектов, наместников и пр.) в III в. подобные алтари ставят целые воинские корпорации (легион, когорта, ала), в чем он усматривает проявление сепаратистского самосознания (стр. 175).

Вопрос о *latrones*, которых упоминают четыре надписи из Верхней Мезии, А. Мочи рассматривает также в связи с характером социальной структуры населения. Известное свидетельство биографа Марка Аврелия о том, что во время маркоманских войн император вооружил гладиаторов и даже сделал воинами разбойников Далмации и Дардании (SHA, v. Marci 21,7), А. Мочи не ставит в связь, как обычно, с образованными Марком Аврелием якобы из этих «разбойников» *cohortes* I и II *Aurelia Dardanorum* и видит в *latrones* группы коренного населения, которые жили в горах и вели полукоче-

вой образ жизни, оставаясь враждебными римлянам. Сама дислокация сформированных из дарданов когорт (обе когорты стояли в Верхней Мезии) показывает, как отмечает Мочи, что они занимали позиции, из которых можно было предотвратить действия этих «разбойников».

V глава, в которой исследуются некоторые формы проявления романизации, показывает, что Верхняя Мезия была наименее романизированной из всех дунайских провинций Империи. За исключением Скупи, Ратиарии, Наисса и Вимиакция, где встречаются редкие надписи после середины I в., постановка надписей на остальной территории провинции началась в конце II в. и только в тех местах, где возникает какая-то консолидированная гражданская община. Ограниченность надписей во времени и пространстве, как доказывает А. Мочи, восходит к социальным причинам (стр. 209): редкие надгробные надписи из внутренних областей провинции и, напротив, происходящие отсюда же votivные алтари имеют разное происхождение. Надгробия ставило постоянно живущее население, алтари — проезжающие через провинцию лица: государственные служащие, бенефициарии, посетители культовых мест и целебных источников. Поэтому для суждения о степени романизации провинции могут приниматься во внимание только надгробные надписи, так как постановка надгробия была частным делом, в сооружении же алтарей играли роль причины политического, официального и культового характера (стр. 211).

Само наличие надписей еще не может быть свидетельством широкого распространения в провинции латинского языка и письменности, и, как отмечает А. Мочи, следует предполагать существование местных языков, на которых говорило коренное иллиро-фракийское население Верхней Мезии и которые учитывало и римское правительство. Так, автор ссылается на известное место Ульпиана, указывавшего, что завещания в пользу лиц, не являвшихся прямыми родственниками умершего (*fideicomissa*), могут составляться не только на латинском языке или греческом, но даже на пуническом или галльском и на языке любой другой народности (Dig. XXXII, 11). Местные языки окрываются в поздний период античности; эти языки признавало христианство в миссионерских целях. А. Мочи подчеркивает, что в восточной половине Балканского полуострова до появления славян говорили по-фракийски, *lingua Bessica*, в западной половине полуострова — на иллирийском языке (стр. 250). Варваризмы в латинских надписях Верхней Мезии объясняются влиянием местных языков на латынь. Отмечаемые А. Мочи во множестве грубые ошибки в латинских надписях из провинции свидетельствуют, что заказ-

чики надписей отнюдь не всегда были людьми грамотными. А. Мочи приводит в этой связи статистические данные, полученные им для отдельных городов на основании анализа характера ошибок и их происхождения (за счет заказчика надписи, составителя ее текста, ординатора, переносившего надпись на камень, резчика, ее высекавшего). Так, для Скупи, например, оказывается, что 1/3 надписей содержит ошибки резчика, 15% имеют грамматические ошибки, причем ошибки есть в надписях декurioнов, центурионов и даже одного всадника (стр. 223). Хотя, как отмечает А. Мочи, постепенное распространение латинского языка в период римского господства едва ли может быть оспорено, и в поздней античности в провинции существовал общепоселенный слой населения, для которого латынь была родным языком, но слой этот был очень тонким и немногочисленным и, как отмечает автор, латынь едва ли вышла за стены городов (стр. 228, 231, 234, 252).

Нельзя не согласиться с той картиной, которая так детально и обоснованно представлена А. Мочи для общества Верхней Мезии I—III вв. Она показывает, сколь различны дунайские провинции одна от другой по степени их урбанизации и романизации, политики в отношении местного населения, общего характера социальной и экономической жизни. Сформулированный автором во введении тезис — показать исторический процесс в деталях, вместо того чтобы подводить его под понятие «романизация», полностью раскрыт и обоснован в книге. Можно высказать лишь некоторые соображения, касающиеся общих суждений А. Мочи, изложенных им в заключении.

Весьма содержательное заключение не только резюмирует сказанное, но и выдвигает некоторые важные и продолжающие оставаться живыми вопросы о том, что же унаследовали от античности последовавшие за ней века и каков был вклад в общую культуру Империи ее отдельных областей. В этом отношении, отмечает А. Мочи, все сказанное не позволяет считать, что Верхняя Мезия что-то внесла в общую культуру Римской империи. То, что проявлялось в Верхней Мезии как «культура» или «искусство», пишет он, существовало лишь в связи с метрополией. С исчезновением римских чиновников прекращаются надписи, так как латинская письменность служила преимущественно хозяйственным и административным целям; прекращение надписей свидетельствует о распаде римских гражданских общин; говоривший по-латыни верхний слой вследствие упразднения римского аппарата управления потерял свое право на существование, его привилегированное положение было поставлено под сомнение (стр. 252—253). Из этого вовсе не сле-

дует, продолжает А. Мочи, что некоторые достижения римской культуры, особенно техника, не пережили ее носителей (стр. 253). Но отпадение от метрополии отдельных областей, которые рассчитывали теперь на самих себя, было причиной их быстрого упадка. Римское господство, указывает А. Мочи, не могло создать предпосылок, которые сделали бы возможным дальнейшее существование принесенной им культуры, когда провинция, оторванная от метрополии, оказалась предоставленной самой себе (стр. 254). Эта кажущаяся романизация, которая внезапно кончилась лишь только провинция была оторвана от метрополии, дает нам право, как пишет А. Мочи, поставить наоборот известный вопрос Ростовцева, которым он заканчивает свое исследование². «Разве не всякая культура осуждена на падение, — спрашивает А. Мочи, — если она оказалась не в состоянии проникнуть в массы?» (стр. 254). Такая постановка вопроса для Верхней Мезии, указывает он, справедлива в сравнении с другими провинциями Империи.

Романизация Верхней Мезии ограничивалась незначительным верхним социальным слоем провинции, и причину этого А. Мочи усматривает в том, что коренное население, очевидно, оказало упорное сопротивление римлянам, хотя, замечает он, о завоевании Мезии нам по-прежнему ничего не известно, кроме войн Марка Лициния Красса в 29—28 гг. до н. э. и похода Тиберия против скордисков в 15 г. до н. э. Глубоко романизированные провинции, отмечает А. Мочи, как Дакия, часть Далмации, Паннония, были завоеваны в кровопролитных войнах (стр. 255). И здесь мы должны высказать два соображения. Если предположить наличие восстаний и длительного сопротивления коренного населения провинции установлению римского господства, то почему подавление такого сопротивления не означало одновременно и кровопролитных войн по завоеванию провинции, таких, примерно, какие были в Паннонии в 6—9 гг. н. э., история которой А. Мочи детально известна? Почему, далее, об этом сопротивлении и соответственно карательных экспедициях римлян источники не сохранили никакого упоминания? Нам представляется более вероятным, что коренное население скорее оказывало малое сопротивление римской власти. Ведь и для Паннонии сохранились свидетельства о сопротивлении южных племен провинции, а о противодействии народов севернее реки Дравы источники молчат, хотя это вовсе не означает того, что они подчинились добровольно. По-видимому, уровень общественного развития племен Верхней Мезии накануне рим-

² M. Rostovtzeff, Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich, т. II, Lpz, 1929, стр. 247.

ского завоевания был гораздо ниже, чем паннонцев или далматов, что предполагает большую разобщенность племен и их действий против римлян, возможное отсутствие у них значительных укрепленных поселений и городищ, чему способствовал и горный характер страны, когда племена могли полагаться на защиту своих высот и ущелий. Этот горный ландшафт в свою очередь мог препятствовать затем распространению римских обычаев и латинского языка, так же как он мог способствовать и сохранению местных языков, традиций и самого населения.

Не представляется правомерным уподобление А. Мочи римского провинциального общества Верхней Мезии колониальному обществу, а отношения провинции с Италией — отношениям колоний и метрополии нового времени. Указывая, что он сознает опасность модернизации, А. Мочи тем не менее настаивает на том, что «выражение „метрополия“ здесь совершенно на месте» (стр. 254). При всей обоснованности выводов о характере общества и романизации Верхней Мезии нам не кажется возможным такое обобщение. Характер политических, хозяйственных и культурных связей провинций с Империей был более глубоким и совершенно иным, чем у колоний и метрополии. Здесь нельзя не учитывать многолетнюю службу в легионах (16 лет) и в войсках *auxilia* (26 лет), влияние римского гражданства и права, которые после эдикта Каракаллы стали общими у всего свободнорожденного населения Империи, длительность самого периода римской власти.

Нам кажется, что для каждого из

рассмотренных А. Мочи общественных слоев романизация и проявлялась в разной степени, и воспринималась по-разному, поэтому то, что для всадника или декуриона означало бы поверхностную романизацию, для низших общественных слоев могло, напротив, указывать на заимствование ими римских традиций и в известной степени культуры и языка. По-видимому, общее изменение условий существования племен в связи с введением провинциального режима уже было в какой-то степени их романизацией. Недаром внутреннее, горные племена, занимавшиеся скотоводством, казались римлянам «разбойниками» — их вовсе не затронуло римское влияние, хотя это не явилось препятствием для набора таких слоев в римские войска и Марком Аврелием, и Пробом (SHA, v. Probi 16, 6). О романизации местных слоев, что отмечает и А. Мочи, можно в большей мере говорить, очевидно, для III в.

Далее, если мы признаем, что римское господство не создало предпосылок для дальнейшего существования приписанной им культуры, то как тогда можно будет объяснить продолжающееся существование и, более того, расцвет в поздней античности внутренних городов, таких, как Наусс, и рождение на их территориях новых городов. Продолжающееся развитие городов внутри провинций в III—IV вв., как известно, наблюдается на Дунае в той же Паннонии, в Норике, и в Далмации, что указывает на существование, хотя и в изменившейся форме, основ гражданской и экономической жизни, некогда заложенных римлянами.

Ю. К. Колосовская

КИРИЛ ИС. ЖУГЛЕВ. *Икономическото положение Тракия и Мизия и търговските им отношение с Италия в I—II вв. от н. э.*, «Годишник на Софийский университет, философско-исторически факултет», LIX, кн. III, 1965, стр. 18

В предисловии (стр. 3—4) автор отмечает, что его задачей было дать обобщение всего известного материала по рассматриваемой им проблеме, а также возможно полно исследовать ее на основании последних данных археологии, нумизматики, эпиграфики и письменных источников. Им широко привлечен материал крупнейших музеев мира: Лувра, Ватикана, Британского и Берлинского музеев, Помпей, Неаполя и др. Хронологические рамки исследования — с конца I в. до середины II в. н. э. Вопросы торговли рассматриваются автором в тесной связи с состоянием экономики Фракии, Мезии и самой Италии.

Книга состоит из двух разделов, посвященных характеристике экономического положения фракийских земель и их торговых связей. В двух главах первого раздела исследуется экономика фракий-

ских земель к моменту прихода в эти области римлян в 29 г. до н. э. и состояние экономики в I и II вв. н. э. Главы второго раздела посвящены развитию торгового обмена в I—II вв., роли различных населенных пунктов и дорог, выяснению масштаба торговых связей в различные отрезки исследуемого периода и характеристике категорий товаров. Напомнив читателю о существовании во Фракии древнегреческих колоний, автор останавливается на характеристике торговых связей с центрами Эгейского моря, с Северным Причерноморьем, Малой Азией и Карфагеном в доримский период. Затем на ряде примеров он показывает экономическую заинтересованность римлян в богатой Фракии еще в республиканское время: римлян привлекали хлеб, скот и пастбища Фракии, ее торговые и военные пути в Малую Азию. Обра-

щению фракийских земель в римские владения в конце I в. до н. э. уделено специальное внимание. Автор ярко рисует экономическое состояние Фракии в связи с проникновением римлян и завоеванием ими страны. Его интересует выяснение влияния римского завоевания на упадок хозяйства страны и затем поднятие экономики и стабилизация при участии римлян после завершения ими организации провинций Мезии и Фракии. Он считает, что города и торговля пострадали не столько от римлян, сколько от разграбления их гетами, сарматами и другими пограничными племенами, воспользовавшимися военной обстановкой. Несомненно, полное разграбление торговых городов не могло входить в планы римлян, заинтересованных в сохранении этих важных для экономических связей торговых центров. Но известно, к какому расстройству экономики и обезлюдению страны привело римское завоевание. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что римляне были вынуждены переселить в Мезию при Августе 50 тысяч гетов. Этот факт, как и вывод колоний ветеранов и переселение италиков упоминаются автором в числе тех мер, которые предприняли римляне в целях поднятия экономики Мезии (стр. 20—22). Все эти меры, как и завершение провинциальной организации, образование вилай поданы автором несколько идеалистически как меры, создавшие благоприятные условия для развития экономики Фракии и Мезии (стр. 36).

Характеристике политической обстановки автор уделил большее внимание, чем детальному разбору экономики как таковой. Жаль, что в этом разделе нет подробного анализа того уровня, на котором находились различные отрасли хозяйства фракийских земель к моменту римского завоевания.

Второй раздел, посвященный торговым отношениям, нам представляется более удачным. Здесь читатель найдет сводку фактического материала, подробный библиографический указатель по различным видам продукции, привозившейся из Италии: медным и бронзовым изделиям, которыми славилась италийские мастерские, изделиям стекольного и керамического ремесла. Автором подобран богатый нумизматический материал, иллюстрирующий периодизацию расцвета и спада торговли между фракийскими землями и Италией.

Автор исследует вопрос о роли фракийской аристократии в восстановлении и развитии торговли, о ее взаимоотношениях с Римом, оказывавшим ей покровительство. Показана также роль римских негоциантов, имевших во Фракии свои конторы, как, например, *Tulius Hiero*, надгробие которого было найдено в городе *Novae*. Приводятся различные населенные пункты с описанием их роли и участия в торговле, показаны также торговые пути, функционировавшие во Фракии в I—II вв. Для нас особенно интересен дунайский путь, по которому шли товары в северочерноморские центры. Автор отмечает большое значение этого пути для торговли и роль тех поселений и групп населения, которые занимались торговлей (стр. 85). Насколько большое значение придавали римляне этому пути, а следовательно, и торговле с Северным Причерноморьем, свидетельствует тщательная охрана этого пути римскими войсками. На основании анализа нумизматического и вещественного материала (находок бронзовых италийских сосудов, глиняных — типа *terra sigillata* и т. д.) К. Жуглев приходит к выводу о том, что на вторую половину I в. приходится большая активность в торговле фракийских земель с Италией, чем на первую половину этого века.

Картина торговых связей с Италией, особенно ввоза италийских товаров предостаточно ярка. Очень важна для нас выведена автором, что в I—II вв. н. э. фракийские земли не столько сами вели торговлю с Италией, сколько оживленную торговую роль при все возрастающей активизации торговой деятельности Италии в северо-восточном направлении (Тира, Ольвия, Херсонес) (стр. 107).

В развитии и судьбах ряда торговых городов Северного Причерноморья и городов фракийских и мезийских существовал ряд сходных черт. Интересно было бы детально проследить это общее и различное, характерное для того времени, когда Северное Причерноморье пришло в соприкосновение с Римской империей. В это время посредническая роль фракийских земель в связях Италии с Северным Причерноморьем была, очевидно, весьма значительной.

Г. А. Цветаева